

Госпожа Ху пребывала в глубоком замешательстве. Впрочем, при таком стечении народа она не смела во всеуслышание заявить, будто Ли-ван попросту отобрал приданое у её пасынка. Ей оставалось лишь натянуть на лицо вымученную улыбку и сухо бросить:

— У ванфэй, должно быть, слишком много забот, раз столь важные вещи вылетают из головы.

Заметив, что разговор не клеится, мачеха поспешила сменить тему:

— Но почему же ванфэй всё время стоит в одиночестве? Неужели никто не заботится о вашем досуге?

Госпожа Ху хитро прищурилась и добавила:

— Быть может, мне стоит представить вас гостям?

Чжу Цзылин молча разглядывал её несколько мгновений. Улыбка женщины становилась всё более натянутой, и когда она уже готова была окончательно утратить самообладание, юноша небрежно обронил:

— Что ж, пойдёмте.

Цзылин не сомневался: она задумала очередную каверзу. Однако, к своему удивлению, он почувствовал, что эмоции госпожи Ху на редкость противоречивы. В её душе клокотала не только привычная злоба, но и некое нетерпение, негодование и странное разочарование. Казалось, она не просто хотела подставить его, а преследовала какую-то иную цель. Любопытство взяло верх: Чжу Цзылину захотелось узнать, что же выкинут на этот раз она и принцесса Аньпин.

К тому же угощения на празднике цветов его не слишком впечатлили, так что он без сожаления покинул столы.

Мачеха, ожидавшая от пасынка очередного выпада, на миг замерла от удивления, услышав согласие.

— Тогда позвольте проводить вас? — она с трудом подавила в себе искру высокомерия и постаралась принять как можно более услужливый вид.

Чжу Цзылин даже не взглянул на неё, сосредоточенно жуя.

— Подождите, пока я доем эти пирожные.

Госпожа Ху: «...»

Гости по-прежнему поглядывали на Цзылина с живейшим интересом, но, страшась дурной славы Ли-вана и видя холодность самого юноши, никто не решался подойти первым.

Когда госпожа Ху взялась представлять его обществу, дамы не стали избегать знакомства.

— Позвольте представить, супруга наследника хоу Вэйюаня... А это супруга второго сына правого канцлера...

Госпожа Ху перечисляла титулы один за другим. Цзылин не опасался подвоха в именах, ведь рядом всегда была внимательная Жои, готовая подсказать, если мачеха решит «ошибиться». После каждого представления он вежливо, но отстранённо приветствовал дам, обмениваясь с ними парой дежурных фраз.

В целом знатные особы держались вполне дружелюбно. Супруга наследника хоу Вэйюаня, женщина средних лет, с улыбкой заметила своим спутницам:

— Издалека я и не разглядела толком, но вблизи видно — ванфэй Ли-вана на редкость хорош собой.

Будучи значительно старше Чжу Цзылина, она могла позволить себе подобное замечание, не нарушая приличий. Напротив, это прозвучало почти по-родственному тепло.

Хоу Вэйюань был главой семьи по материнской линии для старшего принца, Цзинь-вана, и обладал огромным весом при дворе. Естественно, за его невесткой здесь следовала целая свита. Стоило ей похвалить юношу, как остальные наперебой принялись расточать ему комплименты.

Юноша не знал, как реагировать на столь откровенную лесть, но тут госпожа Ху неожиданно подхватила:

— Наш ванфэй и впрямь с самого детства отличался редкой красотой. Если бы не высочайший указ императора о браке, боюсь, наш порог бы обивали сваты от самых знатных семей, желающих сосватать его за своих дочерей.

Цзылин бросил на мачеху подозрительный взгляд. Та лишь горестно вздохнула:

— Сказать по правде, я уже начала подыскивать ему подходящую партию, но, увы...

Улыбки на лицах дам мгновенно погасли. В воздухе повисла неловкая тишина. Слова госпожи Ху прозвучали как скрытый укор императору за то, что он отдал Цзылина Ли-вану. Хотя дамы и сочувствовали изящному юноше, никто не собирался поддерживать столь опасные речи.

Госпожа Ху, будто внезапно осознав, что сболтнула лишнего, поспешно добавила:

— Простите, я совсем разволновалась и потеряла голову.

— Ванфэй стоит чаще выходить в свет, на радость всем нам, — супруга наследника хоу Вэйюаня ловко сменила тему, улыбнувшись Чжу Цзылину. — Если бы ваш статус не был столь высок, я бы непременно захотела назвать вас своим младшим братом.

Цзылин понимал, что это лишь пустые любезности. Внимание этой дамы было продиктовано исключительно интересами её семьи, и целью этих интересов был вовсе не он, а Жун Чжао.

Вспомнив, что в будущем ни Юй-вана, ни семью хоу Вэйюаня в руках Жун Чжао не ждало ничего хорошего, Цзылин ограничился уклончивым ответом. Заметив его холодность, супруга наследника не стала настаивать — было ясно, что попытка сблизиться с Ли-ваном через его супруга пока не встречает энтузиазма.

Впрочем, вскоре Чжу Цзылин понял, к чему клонила мачеха. Она... пыталась вбить клин между ним и Жун Чжао.

— Не стану скрывать от вас, госпожи, — вещала Ху, — талантами в учёбе наш ванфэй пошёл в своего отца. С малых лет он всё схватывал на лету. Продолжи он обучение, кто знает, быть может, и он стал бы Таньхуа, как и его родитель.

Слушая эти речи, Чжу Цзылин не почувствовал радости. Напротив, его брови медленно поползли к переносице, а взгляд стал непривычно ледяным.

Некоторые из присутствующих, не почуяв неладного, закивали:

— При такой статной внешности император наверняка пожаловал бы ванфэй звание Таньхуа, одержи он победу на экзаменах.

Другие же, заметив перемену в лице юноши, благоразумно замолчали, ожидая развития событий.

— Как некстати всё вышло, — продолжала вздыхать госпожа Ху. — Не случись этого брака, ванфэй наверняка бы попробовал свои силы на Чуньвэй. Кто знает, может, он сдал бы экзамены с первого раза. Но, увы...

Глядя на её фальшивое притворство, Чжу Цзылин спокойно спросил:

— Неужели матушка позволила бы мне участвовать в кэцзюй, даже если бы не было указа о браке?

Дамы замерли. Лицо госпожи Ху потемнело, на мгновение на нём отразилось замешательство, которое она тут же попыталась скрыть за неловким смехом:

— О чём вы говорите, ванфэй? С чего бы мне чинить вам препятствия?

Приняв вид незаслуженно обиженной, она сокрушённо добавила:

— Ах, вы всё-таки превратно меня понимаете! Как я могла бы помешать вашему успеху? Если я и говорила когда-то, что вам не стоит торопиться, то лишь потому, что считала — вам нужно ещё несколько лет прилежной учёбы. Чтобы уж наверняка, чтобы занять достойное место...

Госпожа Ху притворно вытерла глаза платком и вздохнула:

— Видимо, мои слова ранили вас, но разве я сделала хоть что-то, чтобы запретить вам экзамены? У меня, знаете ли, язык острый, а сердце мягкое. Часто меня не так понимают, но зла я никогда не чинила. Ваша слава на поприще наук принесла бы почёт всему нашему дому и была бы примером для вашего младшего брата. Я была бы только счастлива, зачем мне мешать?

Казалось, она сама поверила в собственную ложь. Её голос дрожал от «волнения», но Чжу Цзылин смотрел на этот спектакль с нарастающим отвращением.

Внешних наблюдателей этот обман мог бы и провести — ведь никто не знал всей глубины их вражды. Знатные дамы могли подумать, что ради чести семьи мачеха и впрямь желала пасынку успеха. Но для Цзылина эти речи были верхом цинизма, особенно учитывая его знание будущего.

Да, сейчас она ещё не успела ничего совершить. Но он помнил, как жестоко она поступит позже.

В его прошлой жизни он и впрямь собирался на весенние экзамены. Но из-за того, что Чжу Цзычжэнь столкнул его в ледяную воду, он проболел несколько месяцев. К моменту испытаний он едва стоял на ногах и в итоге просто лишился чувств прямо в экзаменационном зале. Естественно, он провалился.

Мачеха и брат лишь посмеивались над его неудачей. Ведь благодаря стараниям Ху у Чжу Цзылина не было ни достойных учителей, ни книг — она делала всё, чтобы он вырос посредством. Его детская одарённость в её глазах давно превратилась в ничто.

Однако в следующем году он всё же сумел сдать экзамены на степень сюэя. Это привело госпожу Ху в ярость: пасынок оказался способнее её собственного сына, который до сих пор не имел никаких достижений. Она начала чинить ему всяческие препятствия, не давая найти наставника для дальнейшего обучения.

А когда пришло время осенних экзаменов, она попросту подслала людей, чтобы те избили его. Раны были не смертельными, но о походе на Цювэй пришлось забыть. Более того, они метили ему в лицо, желая оставить уродливые шрамы и навсегда закрыть путь к чиновничьей карьере — лишь благодаря своей реакции Цзылин сумел защититься.

Министр Чжу поначалу был в ярости, но, едва заподозрив, что за нападением стоит его супруга, тут же замял дело, лишь пригрозив ей в частной беседе.

Не имея возможности действовать грубой силой, Ху сменила тактику. Она решила выдать пасынка замуж, сделав его наньци — лишь бы лишить его будущего.

Именно через всё это Чжу Цзылин уже проходил в своей прошлой жизни. И если бы не суровый опыт выживания в мире апокалипсиса, его ненависть к этой женщине наверняка бы уже вырвалась наружу. Но он привык ждать, пока враги сами загонят себя в ловушку.

Тем не менее видеть её притворство сейчас было выше его сил.

— Матушка и впрямь верит, что я мог бы победить? Неужели вам никогда не хотелось помешать мне, чтобы я не затмил талантами вашего драгоценного Цзычжэня? — голос юноши был холоден.

Госпожа Ху подняла на него взгляд, полный притворной искренности:

— Ванфэй, вы снова несправи...

Стоило её глазам встретиться со взглядом Цзылина, как её сознание на миг затуманилось. Голоса вокруг стихли, мысли путались, будто она осталась наедине с собой в полной тишине.

В этой тишине чей-то голос настойчиво спрашивал:

«Неужели Чжу Цзылин и впрямь может сдать экзамены?»

«А что, если он действительно преуспеет?»

«Что, если он станет чиновником, а Цжэнь-эр — нет? Разве тогда все не увидят, насколько мой сын слабее этого выскочки?»

«Если у него будет чин, его уже не удастся так легко помыкать. Неужели он не захочет забрать себе поместье министра?»

«Не лучше ли сделать так, чтобы он никогда не попал на эти экзамены?»

Голос проникал в самую суть её страхов, и госпожа Ху, не в силах сдерживаться, яростно выплюнула про себя:

«Да как этот мелкий выродок может чего-то добиться?! Цжэнь-эр ещё не сдал, с какой стати он-то преуспеет?!»

«Если он посмеет надеяться на чин и решит оспорить наследство у моего сына, я сделаю так, что он и порог школы не переступит!»

«Найму кого-нибудь, пусть исполосуют ему лицо! Посмотрим тогда, как он будет строить карьеру, калека несчастный!»

Высказав всё, что накопело, госпожа Ху ощутила странное облегчение. Но стоило наступить тишине, как она поняла — что-то не так.

Стоящий перед ней Чжу Цзылин вдруг тонко улыбнулся:

— Вот именно. Я так и знал, что это ваши истинные мысли, матушка.

Госпожа Ху замерла.

«Истинные мысли? Но я ведь ничего не...»

И тут до её ушей донеслись другие голоса — шёпот окружающих:

— Боги, она хочет изуродовать ему лицо... Какое чудовище...

— Так вот что она на самом деле думает! А я-то, дура, почти поверила её рассказам о материнской любви.

— Понятно, что мачехи редко любят пасынков, но это уже слишком. Не просто лишить наследства, а уничтожить человеку жизнь! Неужели министр Чжу не знает, какую гадюку пригрел на груди?

— Да откуда ему знать! Видели, как она только что распиналась? Прямо святая заступница. Кто бы мог подумать, что за этой маской скрывается такая чернота.

— Да что с ней такое? Только что лгала и не краснела, а теперь вдруг выложила всю подноготную?

— Не иначе как нечистый попутал. Такое даже в мыслях держать страшно, а уж высказать в лицо при всем честном народе...

Гул голосов нарастал. До госпожи Ху начал доходить смысл происходящего. Лицо её стало белее полотна, руки задрожали крупной дрожью.

Неужели всё то, что она только что прокручивала в голове... она произнесла вслух?!

Взгляды, полные отвращения, и едкие замечания гостей градом посыпались на неё. Осознав масштаб катастрофы, женщина почувствовала, как в глазах темнеет. Она просто не выдержала позора и рухнула в обморок.

Она с глухим стуком упала на землю.

Поражённые её признанием, гости даже не сразу двинулись ей на помощь.

Принцесса Аньпин, наблюдавшая за сценой издалека, с нетерпением ждала, когда Госпожа Ху выставит Цзылина на посмешище. Она даже заранее подготовила несколько колкостей. Но вместо триумфа мачеха сама втоптала себя в грязь!

Хозяйка праздника была в ярости, но как представительница императорской семьи была обязана вмешаться.

— Унесите госпожу Ху в покои и позовите лекаря, — нахмурившись, распорядилась она. Обернувшись к гостям, принцесса натянуто улыбнулась: — Уверена, с ней всё будет в порядке. Ещё рано расходиться, прошу вас, продолжайте наслаждаться цветами и чаем.

Гостям только того и было нужно — им не терпелось обсудить столь сочный скандал. Из уважения к принцессе они сделали вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло, и со смехом разошлись по саду, чтобы посплетничать в узком кругу.

Чжу Цзылин не ожидал, что мачеха так быстро лишится чувств. Ей даже повезло — обморок избавил её от дальнейших унижений. Убедившись в её намерениях и заставив её опозориться с помощью своей способности, юноша потерял к ней всякий интерес. Он решил вернуться к дегустации тех блюд, до которых ещё не успел добраться.

Но не успел он наполнить тарелку, как к нему подошла принцесса Аньпин. В её взгляде сквозило высокомерие, когда она вызывающе произнесла:

— Для моего праздника цветов я пригласила лучших мастеров столицы. Они использовали отборные продукты и самые свежие, только что распустившиеся бутоны.

Она смерила его презрительным взглядом и добавила:

— Я заметила, с каким аппетитом вы поглощаете угощения. Должно быть, вкус показался вам изысканным? Раньше вам не доводилось пробовать ничего подобного?

— А? Да нет, вовсе нет, — бросил Цзылин, не задумываясь.

Он пришёл сюда в надежде на новые вкусовые ощущения, но результат его разочаровал. Видя, что принцесса смотрит на него как на неотесанного деревенщину, Чжу Цзылин не стал церемониться. Переняв манеру Жун Чжао придирчиво оценивать всё вокруг, он ответил:

— Вкус весьма посредственный.

Цзылин всегда замечал, как сильно задевает людей этот тон Жун Чжао. И действительно, лицо принцессы мгновенно перекопилось. Она процедила сквозь зубы:

— Раз вкус посредственный, почему же ванфэй съел так много?

Кто-то из её приспешниц тут же поддакнул:

— И впрямь, судя по тому, как усердно вы ели, не скажешь, что вам было невкусно.

Другая добавила с ядовитой ухмылкой:

— Может, вкус и вправду так себе, просто ванфэй так проголодался, что готов есть даже это?

Раздались приглушённые смешки.

Принцесса Аньпин заметно приободрилась. Она с притворной заботой обратилась к юноше:

— Неужели в поместье Ли-вана вас совсем не кормят? Если так, то князь переходит все границы. Хотите, я поговорю с императором? Пусть его величество восстановит справедливость.

Она сделала паузу и добавила с издёвкой:

— Интересно, считается ли преступлением морить голодом собственного наньци? Наверняка

за это полагается наказание.

Принцесса была уверена, что нанесла удар в самое больное место, но Чжу Цзылин остался совершенно спокоен. Он ответил со всей искренностью:

— Вовсе нет. В поместье князя меня кормят превосходно. Каждое блюдо там на голову выше того, что подают на вашем празднике.

«...»

Принцесса Аньпин поперхнулась от такой наглости. Она уже собиралась рассмеяться ему в лицо, выражая полное недоверие, но Цзылин продолжил:

— Впрочем, если вы замолвите за нас словечко перед императором — будет чудесно. Пусть жалует поместью Ли-вана побольше редких яств и драгоценных продуктов.

На лице юноши отразилось самое чистое воодушевление:

— Заранее благодарю вас, госпожа принцесса. А если хороших продуктов не найдётся, можно просто выдать серебром.

Принцесса Аньпин: «...»

«Что за чушь он несет?!»

Ей стоило огромных усилий, чтобы не выплеснуть это возмущение прямо ему в лицо.

Остальные дамы тоже лишились дара речи. Они переглядывались, гадая, не повредился ли ванфэй умом. Его поведение не лезло ни в какие ворота. Ли-ван был непредсказуем, но в его действиях всегда была логика, пусть и жестокая. Чжу Цзылин же казался совершенно непостижимым.

Потерпев сокрушительное поражение в словесной дуэли, принцесса Аньпин удалилась, кипя от злости. Её свита поспешила за ней. Без поддержки хозяйки никто не рискнул бы задевать Цзылина — всё-таки его титул был слишком высок.

Впрочем, были и те, кому триумф юноши пришёлся по душе. Например, супруга наследника хоу Вэйюаня.

У неё не было открытой вражды с принцессой Аньпин, иначе она бы не пришла на приём, но втайне она терпеть не могла её заносчивость. То, что принцесса кичилась благосклонностью

императора, раздражало невестку хоу.

Она снова подошла к Чжу Цзылину, чтобы перекинуться парой слов. Вскоре вокруг юноши собралась небольшая толпа — кто-то хотел обсудить недавнее признание госпожи Ху, кто-то — выразить притворное сочувствие. На какое-то время Цзылин стал самой популярной фигурой на празднике.

Однако сам он был занят исключительно едой и не проявлял к гостям ни малейшего интереса. Вскоре любопытствующие начали расходиться.

Лишь тогда к нему решился подойти один из немногих присутствующих здесь муж-супругов.

Чжу Цзылин вежливо кивнул ему, не собираясь затягивать беседу, но незнакомец оказался настойчив. Он явно искал родственную душу.

— Позвольте узнать, как поживает ванфэй после замужества? — начал юноша, представившийся Вэн Цзэ, мужем сына наложницы графа Вэньчана. — Я тоже мечтал о чиновничьей карьере, надеялся сдать экзамены, но мачеха распорядилась иначе. Каково это — мужчине оказаться запертым в задних покоях? — он горько усмехнулся.

— После свадьбы целыми днями сидишь взаперти, шагу не ступишь без дозволения. А если и выходишь в свет, то лишь на подобные сборища, где мы кажемся чужаками, — Вэн Цзэ тяжело вздохнул. — Те, кто берет в наньци мужчин, лишаются права наследования. Понятно, что они не в восторге от такого положения дел и отыгрываются на нас.

Он понизил голос:

— Мой супруг и пары слов добрых мне не скажет... А уж Ли-ван... Должно быть, он ещё страшнее?

Вэн Цзэ покосился на то, как Цзылин уплетает пирожные, и не удержался:

— Скажите честно, ванфэй... вас в поместье и впрямь морят голодом?

Чжу Цзылин взглянул на него, проглотил кусок и ответил:

— Вовсе нет. Я ем примерно в пять раз больше, чем сам князь.

«...»

Вэн Цзэ на мгновение замолк, явно не поверив, но продолжать расспросы не стал. Вместо

этого он снова ударился в стенания:

— Ах, замужество избавляет от нужды, это верно. Но какой мужчина не мечтает о славе и великих делах? Не выдай меня мачеха замуж, я бы уже наверняка сдал экзамены и служил бы где-нибудь в префектуре. А теперь... увы.

Он говорил с таким чувством, что на глазах едва не выступили слезы. Но когда он поднял взгляд на Цзылина, то увидел лишь бесстрастное лицо юноши, который с величайшим усердием разжевывал очередную сладость.

«...»

Уголок рта Вэн Цзэ нервно дернулся. Он с трудом сохранил маску печали и спросил:

— Неужели ванфэй, который тоже стремился к знаниям, не чувствует горечи? Вас лишили возможности проявить себя, заперли в четырех стенах... Неужели в вашей душе нет ни капли негодования?

Вэн Цзэ начал терять терпение. Неужели Ли-ван так запугал этого бедолагу, что у него в голове осталась только еда? Неужели в нём нет ни капли сочувствия к товарищу по несчастью?

В порыве раздражения он выдал свои истинные чувства. Чжу Цзылин посмотрел на него со всей серьезностью и произнес:

— Вы просто не понимаете. О такой жизни я мечтал все эти годы.

<http://bllate.org/book/15829/1436101>